

— Гарри, когда я согласился, чтобы ты лучше учился защите, я не думал, что ты будешь практиковаться в этом на своих друзьях, — проговорил Дамблдор, глядя на Гарри сквозь свои полулунные очки. Лицо его выражало разочарование, словно дедушка, которого застали за курением. Гарри сидел в кабинете директора, где он и оказался после инцидента с Роном и Гермионой. — Я сделал то, чему меня учили, защитник. Сначала они пытались проклясть Дафну в спину. Потом Гермиона подняла на меня свою палочку, и я повалил ее на землю. Рон забыл, что он волшебник, и бросился на меня с кулаками. Я повалил его на землю, — ответил Гарри. Веселье, которое, казалось, светилось в его глазах секунду назад, угасло, сменившись безэмоциональной маской. Он решил примерить на себя образ ледяной королевы Дафны, считая это лучшим способом справиться с Дамблдором. Дафна говорила ему, что Дамблдор — опытный политик и, вероятно, может уловить даже самую незначительную информацию по выражению лица. Дамблдор снял очки и устало потер переносицу. Сменив очки, он с минуту смотрел на Гарри, прежде чем продолжить: — Эти навыки, которым мы тебя обучаем, не должны использоваться легкомысленно. Я согласился на это, потому что считаю, что у тебя достаточно зрелости, чтобы взять на себя повышенную ответственность. Я ошибаюсь? — Нет, сэр. Я буду использовать... менее агрессивные способы самозащиты, — ответил Гарри честно. Он сделал то, что сделал, только в надежде, что они ничего не сделают Дафне или другим его друзьям. — Например, с помощью слов, Гарри? — На губах директора появилась привычная маленькая улыбка. Гарри поборол желание закатить глаза. — Да, директор, люблю слова. — Хорошо, а теперь, я полагаю, у тебя сегодня вечером урок с Кингсли? Гарри кивнул: — Хорошо. Я больше не буду вас здесь задерживать. Гарри встал и подошел к двери. — Если я еще раз услышу о том, что ты причинил вред ученику, мне придется по-другому относиться к твоим занятиям по защите, — предупредил Дамблдор, когда Гарри вышел из его кабинета. Дамблдор вздохнул, размышляя, будет ли это разочарование стоить того в будущем. Ему нужно было, чтобы Гарри был хорошо обучен, чтобы противостоять Пожирателям смерти в грядущей войне. Гарри будет ценным оружием в грядущей войне. Конечно, он не собирался учить мальчика чему-то, что могло бы уничтожить его самого или Волдеморта, но он хотел, чтобы мальчик стал солдатом, который сможет уничтожить Пожирателей смерти, оставив себя Волдеморту. Когда Гарри умрёт, Волдеморту, конечно же, избавит мир от Пожирателей смерти. От кабинета директора до комнаты требований было не так уж и долго идти. — Так что это я слышу о том, что Уизли поместили в больничное крыло? — спросил Сириус с суровым видом. Гарри пожал плечами, снял мантию и положил ее на ближайшую скамейку. В этот вечер на скамейке присутствовали только Сириус и Кингсли. — Он заслужил это. Пытался проклясть Дафну в спину, — коротко сказал Гарри. Ему все еще было горько от этого факта, и он знал, что должно пройти какое-то время, пока его гнев не утихнет. — Почему? Гарри пожал плечами: — Уизли и Грейнджер думали, что Дафна как-то контролирует меня. Они хотели отвести меня к профессору Муди, чтобы он меня вылечил. Как им пришла в голову эта идея, я понятия не имею. — Почему они хотели отвести тебя к профессору Муди, а не к мадам Помфри? — Я не спрашивал. Но это странно, не так ли? Может, они доверяли ему больше, чем мадам Помфри? Но я не понимаю, почему. — Думаешь, это требует дальнейшего расследования? — спросил Сириус. — Может быть. Пока что я буду держать глаза и уши открытыми, — Гарри провел рукой по своим коротким волосам. — Как жаль. Мне очень нравилась эта Грейнджер в прошлом году. — Да, но она явно предпочла мне Рона. Я ничего не могу с этим поделать, — Сириус кивнул. — В любом случае, с Дафной все в порядке? Дафна была единственной из его новых друзей, кто встречался с Сириусом и Ремусом. Он всегда раздраженно ухмылялся, когда говорил о ней. — Да, я вовремя оттащил ее с дороги. Хотя это было странно. Я почувствовал магию, и инстинкт подсказал мне отвести ее в сторону. А через долю секунды мимо нас обоих пролетел оглушитель. — Всегда спасаешь девицу, попавшую в беду, — с ухмылкой сказал Сириус. В этот самый момент Гарри почувствовал, как волоски на его затылке встали дыбом. Он почувствовал, что воздух стал слегка статичным, и ощутил слабый запах озона. Зная, что это значит, и не видя заклинания, летящего на него спереди, он уклонился в сторону. Как раз

вовремя: мимо его правого плеча пролетел резак синего пламени и врезался в каменную стену, оставив большой темный след. Гарри крутанулся на месте, вскидывая палочку, и на губах у него заиграл костедробительный гекс. Однако он остановился, увидев ухмыляющегося от уха до уха Кингсли с палочкой наготове.— Ты становишься быстрее, Гарри. Весьма примечательно, что ты приобрел этот талант, — Кингсли опустил палочку, но не убрал её. — Ты соединяешься со своей магией на таком уровне, на каком мало кто способен. Ты доверяешь ей, инстинктивно. Магия может делать многое, чего мы пока не понимаем, и когда волшебник полностью доверяет своей магии, начинает формироваться связь. Гарри все еще сохранял растерянное выражение лица, поэтому Кингсли продолжил:— Думаю, это случилось в ночь чемпионата мира. Ты умирал, но не выполнил свою миссию по спасению тех девочек. Ты потянулся внутрь себя, соединился со своей магией, полностью отдался ей, и она откликнулась.— Но я всегда доверяла своей магии. А разве не все? Кингсли покачал головой, и Гарри нахмурился еще больше:— Не в том смысле, в котором, как мне кажется, доверяешь ты. Для человека естественно никогда не доверять чему-то полностью. Люди всегда сомневаются, будь то супруг, бог, магия, да что угодно. Никто никогда не доверяет чему-то полностью. Вот почему у нас есть ревность, мелочность и фанатизм. Это естественно. Но ты, я думаю, после той ночи на Кубке мира полностью доверился своей магии.— Но что это значит?— Ты доверяешь своей магии больше, чем пяти своим естественным чувствам, чтобы обеспечить свою безопасность, — Кингсли улыбнулся еще шире. — То есть моя магия — это что-то вроде шестого чувства? Кингсли кивнул:— Да. Ваша магия выстроила вокруг вас в некотором смысле пассивную стену, предупреждая о возможных угрозах. Она защищает вас естественным образом. — Хотя такое случается нечасто, — заметил Кингсли, — это и не редкость. Люди, прошедшие через то же, что и ты, часто сталкиваются с подобным.— Значит, это магическое шестое чувство, — Гарри прищурился, — годится только для того, чтобы предупреждать о нападении? Кингсли пожал плечами: — Не знаю. Тебе самой придется это выяснить.— Как ты узнал, что у меня есть это шестое чувство? — неожиданно спросил Гарри, сузив глаза.— У меня было предчувствие, — коротко ответил Кингсли.— Ты послал мне огненное режущее проклятие, основываясь на предчувствии? — Гарри поднял брови. Кингсли, по крайней мере, выглядел слегка виноватым: — Это было хорошее предчувствие? Гарри, не теряя времени, снова поднял палочку и послал в правое бедро Кингсли беззвучный костедробительный гекс. Дуэль закончилась через пять минут, когда развеселившийся Сириус разбудил Гарри.— Тебе становится лучше, — сказал Сириус.— О чем ты говоришь? Я проиграл, — Гарри застонал, садясь и держась за больную голову. Он получил взрывной гекс прямо в челюсть, что выбило его из колеи. Он уже чувствовал, как образуется синяк.— Не совсем, — Сириус усмехнулся. В этот момент Гарри увидел лежащего неподалеку Кингсли без сознания.— Твоя последняя стена ветра впечатала его в стену и вырубил, — объяснил Сириус. — Блестящее заклинание. Одно из Дамблдоровских? Гарри кивнул, прокручивая в голове ход поединка. Это была техника, которую он разработал вместе с Ремусом, чтобы иметь возможность проанализировать каждую дуэль. Оклюменция действовала как пенсне в его собственном сознании, и он мог просмотреть все свои дуэли и понять, где он ошибся.